

— Оставшиеся хорошие дни сочтены, и каждый должен следовать своему сердцу. — Императрица Хэ продолжала смотреть на свое отражение в бронзовом зеркале и снова улыбнулась Жун-эр:

— Я послушаю тебя, послезавтра надену эту шпильку.

Из-за внезапно налетевшего северо-западного ветра всего за несколько дней осень в столице Тайпин поспешно закончилась.

Хотя зимний снег еще не выпал, становилось все холоднее.

В связи с этим празднование дня рождения императрицы, как бы пышно оно ни готовилось, все равно ощущалось с легким холодком.

Цинь Хуань, одетый в темно-золотой халат с вышитыми облаками, сидел в зале на незаметном месте и с напряжением, но и с надеждой наблюдал за служанками в красных одеждах, которые стройно и размеренно перемещались между столиками сановников.

Зал был великолепен, музыка и танцы славили покой. На вид все выглядело гораздо более упорядоченным, чем в прошлом зале Сюанью, но внутри царил такой же хаос: внутреннее и внешнее, верхи и низы — все было смешано.

Цинь Хуань тихо вздохнул. В нынешнем дворе Да Ци у тех, кто имеет желание управлять, нет на это власти, а у тех, кто имеет власть, нет желания использовать его на правильном пути. Если так пойдет дальше, разве страна не погибнет!

А некоторые люди все же любят вмешиваться в чужие дела — Цинь Хуань ослабил воротник. Утром он думал, что в зале для пира обязательно будут жаровни с углем, поэтому приготовил только обычную торжественную одежду. Но Чжао Цинфэн настаивал, что на улице холодно, и заставил его надеть этот подбитый ватой халат, который он откуда-то притащил.

В этом натопленном зале ходить в вате... Цинь Хуань вскоре покрылся тонким слоем пота.

Думая об этом, Цинь Хуань не выдержал и поднял голову, издали смерив взглядом того, кто сидел ближе к началу зала и, хотя пир еще официально не начался, уже весело распивал вино с Цинь Цзюнем и другими.

Чжао Цинфэн действительно пил, но это не было «весельем». Цинь Цзюнь выпивал чашу за чашей, почти механически, но в его глазах читались лишь раздражение и отвращение.

— Что с вашим высочеством сегодня? — Чжао Цинфэн, видя ненормальное состояние Цинь Цзюня, не стал избегать его, а как обычно наклонился, чтобы чокнуться с ним:

— Вы все еще сердитесь из-за той красавицы?

Цинь Цзюнь запрокинул голову, залпом выпил вино и тяжело дышал, грудь его вздымалась:

— Из-за нее? Она этого не достойна!

— Когда я найду ее, я перебью ей руки и ноги, а затем брошу в стаю бешеных собак на растерзание!

Чжао Цинфэн протянул руку и долил вино Цинь Цзюню, делая вид, что небрежно уговаривает:

— Ой ли, ваше высочество, действительно поднимется рука на такую красавицу?

Услышав это, Цинь Цзюнь внезапно опрокинул чашу с вином и посмотрел на Чжао Цинфэна полным убийственного намерения взглядом:

— Жестоко? Жестокосердие? Ты тоже думаешь, что я свиреп и жесток, что я не достоин быть наследным принцем Да Ци?

Голос его был довольно громким, приближенные сановники Восточного дворца слышали его. Кто-то сразу же подошел, чтобы тихо отсоветовать, но это лишь вызвало еще более громкую брань с его стороны, и он едва не начал рукоприкладство.

Цинь Хуань холодно смотрел на словно обезумевшего Цинь Цзюня, его взгляд встретился с глазами Чжао Цинфэна. Они переглянулись и, не выдавая эмоций, одновременно подняли свои чаши. Через ползала они выпили до дна.

— Князь Цзи прибыл — — С громким криком маленького евнуха за пределами зала по ту сторону Цинь Цзюня наконец воцарилась тишина, и взгляды всех в зале обратились к старику в темном одеянии с золотыми драконами, чье суровое лицо излучало мощь и давление.

Цинь Хуань тоже невольно опустил чашу с вином и сложным взглядом провожал князя Цзи, который шаг за шагом проходил мимо него и поднимался на место, уступающее только трону императора и императрицы.

— Канцлер Хэ прибыл — — Прозвучал еще один громкий крик, и в зале стало еще тише. Вскоре появился Хэ Уцин, но выражение его лица было совершенно иным, чем у князя Цзи. Прежде чем сесть, он не забыл обменяться парой любезных фраз с князем Цзи.

Эти двое: один держал в руках политическую власть, каждый день стоял при дворе, переворачивая рукой облака и дождь; другой командовал военной властью, хотя редко появлялся в зале, но за спиной тайно перетасовывал карты и манипулировал политикой.

Цинь Хуань тихо усмехнулся. Истинная опора Да Ци.

Именно из-за присутствия этих двух человек на пиру царила атмосфера почтительности и вежливости, наконец появились черты настоящего дворцового банкета, и это редкое спокойствие сохранялось вплоть до прибытия императора и императрицы. Только когда Ли Хуэй от имени императора объявил начало музыкального представления, атмосфера в зале снова начала оживляться.

— Не ожидал, что князь Цзи сегодня найдет время для этого пира. Я воспользуюсь этой прекрасной возможностью, чтобы предложить вашему высочеству несколько чаш. — Под звуки музыки и пения император и императрица в драконьих одеждах были лишь красивым украшением, а Хэ Уцин, чье место было следующим после трона, улыбаясь, заговорил с князем Цзи.

У князя Цзи была прямая воинская натура, он не стал церемониться, поднял чашу в сторону императора и императрицы и произнес:

— У меня действительно нет особого досуга, просто как раз совпало двойное празднование во дворце, поэтому я решил прийти и разделить радость.

Лицо Хэ Уцина сразу потемнело, но он услышал, как князь Цзи продолжил «поздравлять»:

— К слову, я должен поздравить канцлера Хэ. Первая радость — день рождения императрицы Хэ, вы как отец, естественно, должны быть рады —

— Вторая радость, канцлер Хэ ждал эти десять с лишним лет и наконец-то сможет обнять внука. Это действительно достойно поздравления.

Услышав это, Хэ Уцин отставил чашу с вином в сторону и с безысходностью сказал:

— Ваше высочество, вы слишком возвеличиваете этого старого слугу, эту вторую радость я не могу принять —

Но князь Цзи небрежно смотрел на него, пока канцлер Хэ не вздохнул и, подвинувшись ближе, тихо пошел на компромисс:

— Всего лишь безымянный побочный сын, разве он заслуживает поздравления вашего высочества.

— Безымянный побочный сын, — пробормотал князь Цзи несколько раз, затем бросил взгляд на Цинь Цзюня в зале. — Если так, то я спокоен. Также надеюсь, что канцлер Хэ всегда будет помнить эти четыре слова: «безымянный побочный сын».

— Раз он безымянный побочный сын, то если он тихо и бесследно исчезнет, это будет вполне в порядке вещей. — Сказав это, князь Цзи наконец улыбнулся и медленно выпил вино из своей чаши.

Хэ Уцин молчал, под столом его старые руки, сухие как дерево, крепко сжались. Лишь спустя долгое время он снова кивнул:

— Князь Цзи прав...

Князь Цзи улыбался все самодовольнее, выпил еще несколько чаш, затем поднялся и, отмахнув рукавом, ушел. Ему и самому не нравились пиры в честь дня рождения императрицы, он пришел только из-за беременности наложницы, чтобы «постучать по пальцам» Хэ Уцину и напомнить, чтобы тот не забывал о его существовании. Теперь, когда цель достигнута, ему не было терпения оставаться дальше. Он лишь сослался на опьянение, наугад позвал маленького евнуха проводить себя в покои сзади для отдыха.

Цинь Хуань приподнял бровь, глядя на спину князя Цзи, выходящего из зала, и тихо, словно бормоча во сне, произнес:

— Начинается —

После ухода князя Цзи сановники начали один за другим подносить редкие драгоценности в качестве подарков ко дню рождения. Хотя сейчас император и императрица были не более чем марионетками, императрица, конечно, родной дочерью Хэ Уцина, и сейчас, при канцлере, угождение ей могло сыграть определенную роль в карьере.

Жемчуг Восточного моря, кораллы Западного моря, нефритовый Будда в полроста, корень женьшеня возрастом в сотни и тысячи лет — каждый старался превзойти других, действительно разбегались глаза. Чтобы проявить милость и мощь, император и императрица иногда прямо на месте дарили некоторые из этих сокровищ вассалам.

— Я всего лишь простой воин, не разбираюсь в изяществе, но также подготовил подарок для

императрицы, надеюсь, ваше величество не откажет. — Говорил Гуань Фэн, и то, что он поднес, оказалось древним мечом, полностью отлитым с узором в виде водяного дракона, исходящим холодным зловещим блеском.

Обычно такие предметы оружия категорически нельзя было проносить в зал, но во-первых, правила во дворце давно уже пришли в беспорядок, а во-вторых, Гуань Фэн был новым фаворитом канцлера Хэ, поэтому никто не стал чинить препятствия этому предмету.

Императрица Хэ смотрела на этот древний меч и вдруг почувствовала в сердце нотку беспокойства. Она как раз хотела приказать скорее убрать его, но вдруг заговорил император по соседству.

— Этот меч мне нравится... дарю его двоюродному брату. — Сказав это, он еще украдкой взглянул на Ли Хуэй и, получив его утвердительный взгляд, радостно махнул рукой, приказывая внутреннему слуге отнести меч Цинь Цзюню.

Цинь Цзюнь не переставал пить с начала пира, но чем больше пил, тем больше чувствовал, что в сердце словно пылает сильный огонь, тревога и смятение не давали покоя, но он все равно не выпускал чашу. К этому моменту он уже был порядочно пьян. Внезапно услышав, что император дарит меч, он в опьянении даже забыл поблагодарить. И только когда меч поднесли к нему и он увидел переплетающиеся узоры водяного дракона на лезвии, это словно вспышка молнии и огня ударило ему в сердце.

Авторское примечание:

Не сосчитать, сколько дней подряд не было удачи в мистическом = _ =

Чувствую, что от бессонных ночей я совсем стал похож на Будду (равнодушен) = _ =

<http://bllate.org/book/16488/1498148>